

Юлия Тайнанова

милые люди

Понять человека трудно. Понять себя еще труднее.

Юлия Гайнанова
Милые люди
Серия «Young Adult.
Инстахит. Это личное»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69945745

Ю. Гайнанова. Милые люди: ООО «Издательство «Эксмо»; Москва;

2024

ISBN 978-5-04-195008-8

Аннотация

Знаете это чувство, когда только-только приехал к бабушке летом на дачу: здесь уют, здесь все знакомо, здесь пахнет парным молоком, травами и свежей выпечкой. Здесь истории, затягивающие под плед из мыслей, до которых никак не доходят руки в повседневной суете. Они о вечном и одновременно о каждом из нас.

«Милые люди» – сборник, который вдохновит каждого читателя на ежедневные подвиги и докажет, что каждому из нас нужен свет.

Содержание

От автора	5
За все надо платить	6
Надежды	11
Уроки саксофона	16
Я всегда буду любить тебя!	34
Незнакомка	42
Эта сука Мариванна	47
Плевать или наплевать?	49
Где я страдал, где я любил	55
Навсегда твой	59
Последний сон Мелинды	62
Со знанием сознания	68
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Юлия Гайнанова

Милые люди

© Гайнанова Ю., 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

*** * ***

От автора

Я хотела понять, как человек строит новый дивный мир в пространстве всего лишь одной черепной коробки. Как этот дивный мир затем расплзается и прорастает в чужую реальность. Рассказать о минутах радости, когда хотя бы паре людей удастся синхронизировать все, что они понастроили, рассадили. И о чуде человеческих надежд и побуждений.

Эти рассказы будут интересны каждому, кто любит неожиданные концовки, кто любит залезать в чужие головы, кому кажется, что он одинок и какие-то вещи происходят только и исключительно с ним.

Чужие истории – удобный инструмент самопознания, ведь чувства, которые ты приписываешь персонажу, скорее всего, принадлежат лишь тебе.

Что я имею в виду? Например, рассказ «Предложение». Когда я читала его вслух подписчикам, кто-то переживал за героя, ведь им казалось, что он, то есть герой, преодолевает все препятствия во имя большой любви. А решил, будто все преграды – лишь метафора для подсказок вселенной, что принятое им решение неверно и на самом деле он ничего этого не хочет...

Но героя не существует. Герой каждого рассказа – это ты.

За все надо платить

Я открыл глаза, улыбнулся и пошел умываться. Отражение в зеркале подмигнуло:

– Тебе предстоит прожить один из лучших дней в жизни!

– Знаю, – игриво ответил сам себе.

Еще бы, ведь сегодня я отправлюсь в научную экспедицию, о которой так долго мечтал!

Закинув вещи в багажник своего внедорожника, решил зайти в магазин. Выезжать пока что рано. Прибыть на место встречи первым и маяться в ожидании коллег... нет, лучше магазин. Вдруг я что-то забыл докупить?

Побродив между полок, взял бутылку минеральной воды – было жарко. Около кассы стояла пожилая женщина, которая все выкладывала и выкладывала будущие приобретения из тележки, казавшейся бездонной. В ожидании я стал рассматривать обложки журналов.

Мой взгляд зацепила фотография красивой женщины. Я взял «ее» и стал изучать более внимательно. Будто из ниоткуда рядом с глянцевыми роскошными волосами появилась пухлая женская рука в родинках и пигментных пятнах. Я отметил про себя, что ногти пора бы и подстричь, проследил взглядом до сдобного плеча и уперся в лицо. Оно мне улыбалось.

Это была женщина с бездонной тележкой.

– Сынок, как ты похож на моего Витю! – начала она тихим, будто убаюкивающим голосом. – И глазки-то у тебя такие же, голубые, и ростом Витя был ровно с тебя, то есть выше матери на целую голову! – последовал мягкий толчок в плечо.

Я смотрел на эту чудную бабуся и не знал, как реагировать. Тот факт, что я похож на ее сына, конечно, интересен, но все же мне становилось неловко. Впрочем, она не оставила мне много времени на размышления и продолжила:

– А ушки-то, вон, посмотри, такие же маленькие, аккуратненькие, прямо как у моего сыночка. – Тут она дотянулась до моей мочки и стала перебирать ее пальцами, будто что-то солила, что было совсем неприятно, так как я ощущал, какие у нее грубые шершавые пальцы. Но я не успел даже сделать соответствующее выражение лица, так как пожилая женщина начала плакать.

– Жаль, умер Витька несколько лет назад, а я так по нему скучаю! – Она плакала очень тихо, спокойно, будто и не плакала вовсе, а слезы сами по себе катились по щекам. На слове «скучаю» она улыбнулась мне, словно просила прощения за свою несдержанность.

Мне стало ее жалко. Эти старые руки, шершавые пальцы, довольно неопрятный вид в целом придавали моей жалости какие-то особые пряные нотки, как будто кто-то пощекотал душу перышком.

– Знаешь, больше всего мне не хватает, чтобы кто-нибудь

называл меня мамой.

К этому моменту мои брови уже сложились домиком, лицо выражало глубокое понимание этой непростой жизненной ситуации, или, по крайней мере, мне так казалось. Я не нашел ничего лучше, кроме как сочувственно кивнуть, поджав губы.

– Не сложно тебе будет, когда я отойду от кассы, крикнуть мне вслед: «Пока, мама!»?

Нет, мне, конечно, не сложно. Я уже преисполнился теплом и заботой к этой убогой женщине, теплом и умилением, и даже некоторой симпатией к ее сыну Витьке, на которого был так похож. Пока мне пробивали воду, я обернулся и со всей нежностью, на которую только был в тот момент способен, прокричал ей вслед: «Пока, мама!» Она помахала мне рукой и исчезла за стеклянными дверьми.

С чувством глубокого удовлетворения я начал доставать деньги из кошелька. Делать добрые дела всегда приятно. Помню, еще в школе я выдвинул теорию, что любой вид бескорыстной помощи на самом деле проявление эгоизма. Потому что тому, кто делает что-то хорошее безвозмездно, самому на душе приятно, согласитесь? Получается, что ты сам себе делаешь хорошо, а это уже никакое не бескорыстие. Просто есть люди, которым от доброго поступка хорошо на душе не делается, и они их не совершают. А те, кто якобы без всякой причины помогают людям, удовлетворя-

ют прежде всего себя. Когда в сериале «Друзья»¹ герои поспорили, что не найдут ни одного благородного поступка, от которого бы тому, кто его совершал, не стало бы хорошо, я вспомнил школьную теорию и мысленно похвалил себя за проницательность.

В общем, мне было приятно сделать другому человеку хорошо.

– С вас три тысячи сто сорок один рубль, – пробурчала кассирша.

– Дороговатая у вас вода, девушка, – улыбнулся я ей.

– Вода как у всех, а счет большой, потому что мама ваша немало купила.

– Какая мама?

– Но вы же только что с ней попрощались! Она сказала, что сын за нее заплатит.

– Да какая она мне мама? Я в первый раз вижу эту женщину! Да я..! – Я задышался от возмущения. Мой мозг отказывался понять, что произошло. Ему было сложно так быстро перейти от жалости и самолюбования к вселенскому негодованию. Негодованию, лишавшему способности говорить.

Недобрым взглядом посмотрел я на выход, где, конечно, уже никого не было.

«За все надо платить», – подумал я и достал три тысячи

¹ Ситком «Друзья», повествующий о жизни шестерых друзей, выходил с 1994 по 2004 год. Признан одним из лучших комедийных сериалов в истории американского телевидения.

сто сорок один рубль.

Надежды

– Что же это может быть? – размышлял молодой человек одним весенним днем по дороге на почту. Он привык получать десятки электронных сообщений ежедневно, но сегодня случилось маленькое чудо. Кто-то впервые написал ему настоящее бумажное письмо.

Холод запускал ножи то в правый, то в левый бок, и парень застегнул молнию на пуховике.

Письмо заставило его испытать то, что он давно уже не испытывал: приятное волнение. Он шел и думал о том, кто же ему написал. Может быть, пришел ответ из университета в Лондоне?

И вот молодой человек уже прогуливался вдоль Темзы в свободное от учебы время и ежедневно отправлялся в Сити на престижную практику. А там и кожаный диван в личном кабинете, и секретарша приносит кофе по первому зову.

– Сегодня в одиннадцать совет директоров.

– Перенесите, мой астролог не советует принимать серьезные решения до полудня, – и холеная рука взмахом приказывает удалиться, а затем погружается в шуршащее царство утренних газет.

– Господин директор, вам пришло приглашение на чай от королевы.

– Положите на стол. – Холеная рука гладит плотную бу-

магу с выпуклым гербом.

Или нет. Парень заменил воображаемый слайд в воображаемом проекторе и начал показывать самому благодарному зрителю на свете – самому себе – совсем другую историю. Историю из американских фильмов, когда счастливые родители с заговорщическим взглядом вручают обожаемому чаду конверт.

– Вскрывай!

– О нет, я не могу, давайте вы...

В пакете, наверное, целая стопка разноцветных бумаг с картой территории и программой факультативов.

– Хотя нет. – Парень беспощадно вырвал шнур проектора из розетки, и экран погас. Он вспомнил, что результаты поступления еще не должны объявлять. – Это что-то другое, – с этими словами он «завис» на несколько секунд, держа штепсель в руке, но потом решительно воссоединил его с розеткой. Экран вновь заработал. Кадры стали быстро сменять друг друга. Вот девица из летнего лагеря пишет нашему герою о том, в чем боялась признаться тет-а-тет. Щелк. Тайная поклонница вдыхает аромат срезанной у него тайком пряди волос и кладет в белый конверт. Щелк. Рукопись, что он послал пару месяцев назад в толстый журнал и про которую давно забыл, читает седовласый эксперт. Потом хватается за белоснежную бородку, снимает очки, поднимает руки и вскрикивает: «Наконец-то!» Коллеги вздрагивают, бегут спрашивать, что случилось, дерутся за возможность про-

читать рукопись первыми. Потом решают сделать срочный перерыв и за чаем с баранками обсуждают самые интересные, спорные места.

– А вот эта шутка, нет, ну удалась же!

– Как подмечает остро, а такой молодой...

– И вы еще говорите, наш век не рождает таланты...

Молодой ассистент редакции уже завидует ему, ненавидит его, но бежит на почту с письмом-просьбой-приказом: «Вы, молодой человек, просто обязаны немедленно явиться в редакцию и освещать своим талантом каждый выпуск нашего журнала!»

В подмышках неприятно закололо, он почувствовал запах собственного дезодоранта и опять развел железные тропинки молнии.

Теперь воображение унесло его далеко, в Северную Европу, где он во фраке с благодарностью отзывается о том седом эксперте: «С этого начался мой путь к Нобелевской премии. Я был молод и горяч, но уже тогда искра таланта ослепляла всех вокруг. От судьбы не уйдешь». Да, деньги он потратит с пользой для дела, купит автомобиль дочке или, быть может, украшение жене. Остальное, конечно, на благотворительность. А жена у него будет самая красивая. Чтобы все смотрели и думали: и почему ему так повезло? Ведь, быть может...

Быть может, подумал он, это Таня, с которой у него было нечто особенное два года назад, решила сделать эдакий ро-

мантический жест и напомнить о себе в письме, а заодно предложить никогда более не расставаться, попутно признаваясь в совершенных ошибках и каясь, что раньше не поняла, какой он замечательный...

Парень споткнулся. Большой палец левой ноги загорелся. «И какой же я все-таки неловкий», – подумалось ему, но на лице затерялась неясная улыбка. И было чему улыбаться! Столько надежд обещала исполнить синяя вывеска с белыми буквами, что кокетливо выглядывала из переулка.

Он приложил холодные руки к щекам. Но не щеки грели руки, а руки успокаивали щеки.

– Надо прийти в себя!

Ветер лизнул лицо, словно шершавым фиолетовым языком чау-чау.

– Что за дрожь в голосе, что за неуверенные повадки? Разве так разговаривают с почтальоншами будущие лауреаты всевозможных премий? Соберись, тряпка! – Так он говорил сам себе, когда засунул письмо в карман и понесся домой. Шла нешуточная битва между желанием вскрыть конверт немедленно и сделать это в уютной и привычной обстановке комнаты. Как и во всех жестоких боях, победу одерживала то та, то эта сторона, но наконец стал выявляться лидер. Молодой человек сел на лавочку во дворе и разорвал девственную плоть белоснежного конверта, даже не посмотрев на имя отправителя.

В подъезд заходил не юноша, но мешок картошки с печа-

лью деда в глазах.

– От кого письмо?

– Мам, да из пенсионного фонда, я же курьером устроился недавно на подработку.

Из комнаты парня спустя пятнадцать минут доносились жалкие всхлипывания. Но если бы ты подошла поближе, то могла бы услышать, как клацала клавиатура ноутбука.

Уроки саксофона

Я хотел завести хобби. Странно, что к этому слову нерусского происхождения прилагается такой глагол. Завести можно много вещей. Домашнее животное, почту, друга, любовницу. Все эти вещи мы приобретаем. Но разве склонность к определенному занятию не всегда была в нас? Интерес либо есть, либо нет. Он только может проявиться раньше или позже.

Дома у меня валяются несколько списков с делами, которые я хочу успеть сделать, странами, которые мечтаю посетить, книгами и фильмами, которые надо оценить. Я люблю строить планы, но не люблю их воплощать. Иногда мне кажется, что дело сделано только потому, что я его уже запланировал, узнал всю нужную информацию и шаг за шагом в уме представил воплощение задуманного. Я очень редко вычеркиваю что-нибудь из списков, скорее, постоянно заново пишу новые пункты. Но если удастся провести горизонтальную линию поверх букв, это доставляет мне мало с чем сравнимое удовольствие.

Бывает, жизнь сама подсказывает, в каком направлении двигаться. Сколько я ни мусолил список с интересными занятиями, все никак не мог решиться сделать выбор. В один из весенних вечеров, пока я курил и планировал, в дверь постучался приятель. Он сказал, что улетает на год в Израиль,

где ему предложили новую шикарную работу, но есть вещи, которые ему везти не с руки, а выбрасывать жалко. Квартиру он снимал, и потому хранителем ненужных ценностей предложил стать мне. Новоиспеченному стражу сокровищ достались несколько пар немодных джинсов, кроссовок и маек, бархатный пуфик, колонки для телевизора, игровая приставка и саксофон. Так я и решил, что научусь играть на этом замечательном инструменте.

Когда-то я с отличием окончил музыкальную школу по классу фортепьяно. Значит, постигну новый инструмент играючи. Впрочем, сделать это не играючи пока никому не удалось.

Я приступил к выбору учителя и подошел к нему основательно: опросил друзей, навестил бывшую музыкальную школу, сходил на несколько концертов, посоветовался с интернетом. Круг претендентов на почетное место моего преподавателя сузился. В конце концов на финишную прямую вышли двое. Недолго мучаясь с выбором, я подбросил монетку, и мне выпала решка – то есть Андрей. Я еще раз взглянул на его «дело» (на каждого претендента я завел себе небольшой документ со списком достоинств и недостатков, а также парой-тройкой отзывов). Его превосходство стояло на трех китах: приятная наружность, приятная манера игры и приятная цена занятия. У Андрея, к сожалению, все же был один недостаток: как выяснилось, он просто физически не сможет уделять мне время – слишком много учеников.

Тогда я обратился к орлу-Сергею. При равных достоинствах он досадным недостатком не располагал, и моя дальнейшая музыкальная судьба была решена.

Я с нетерпением ждал первого урока. Дома крутил в руках инструмент, собирал и разбирал его, и даже смог извлечь несколько звуков. Я увлекся. Я завелся. Может, поэтому к хобби прилагают слово «завести»?

Начал слушать джаз. От этой истерики несло предчувствием чего-то волнующего и тревожного. Но в конце концов, когда мелодия затухала, внутри меня оставалась лишь пустота, и тогда я чувствовал себя чем-то жалким. Это чувство мне не нравилось, но душа все равно просила джаза, и я не мог ей отказать.

Квартира Сергея, который должен был открыть передо мной двери волшебного мира импровизации, находилась на первом этаже. Над входом в подъезд висела шахта лифта, и мне из-за высокого роста приходилось каждый раз нагибаться, чтобы позвонить в домофон.

Мы сразу поладили. Я, саксофон и Сергей. Мне импонировало его легкое отношение к жизни и промахам учеников. Заниматься поначалу нужно было лишь раз в неделю, и моя творческая жизнь зажурчала веселым, но пока что тонким ручейком.

Сергей был похож на льва и кота одновременно. Рыжий, вальяжный, дружелюбный. Он был не толстым, но как будто опухшим. Нависшие веки, слегка свисающие щеки, рас-

плывчатая шея. В его тело будто налили воды, и она пыталась вырваться, но кожа не давала совершить побег. Поэтому жидкость заполнила те пространства, которые обычно отекают, и придала видимость полноты телу Сергея.

Я сразу понял, что кроме него в квартире находится женщина, что он живет не один. Но мне не приходилось с ней сталкиваться, чему способствовала планировка жилища в форме перевернутой буквы Г. При входе я попадал в маленькую прихожую, от которой перпендикулярно друг другу расходились два коридора. Пара шагов вперед – вы упираетесь в стену, заваленную всяким хламом. Повернете направо – увидите комнату, где мы занимались. Если же из прихожей идти в другую сторону, то вы пройдете мимо совмещенного санузла, а что там дальше, я не знал, да мне и не было интересно. Может, кухня?

Путь мой по коридору лежал всегда вверх, к знаниям и музыке. А что творилось в правой стороне жилища учителя и чем занималась та женщина, оставалось для меня секретом, который до определенного момента мне не было нужды разгадывать.

Но когда нужда появилась, я стал припоминать, что слышал и видел. Видел много женской обуви в прихожей, слышал женский голос. Из этих двух фактов и сложилось мое понимание того, что в квартире кроме Сергея почти всегда находится женщина. Но все это было не важно. Эти примечания занимали в каше моих мыслей последние ряды и лишь

для проформы откладывались где-то в подсознании. Я просто сделал вывод, к которому пришел бы каждый на моем месте, поставил галочку и забыл о ней. До тех пор, пока однажды мое дудение под внимательным и снисходительным взглядом Сергея не прервал стук в комнату, где мы музицировали.

– Тебя к телефону! – Дверь приоткрылась, и в комнату просочилась рука с телефонной трубкой. С этого момента я потерял покой.

Что это была за рука! Светлая, с идеально ровной кожей без единого волоска. Не слишком полная, но и не костлявая. С тонкими длинными пальцами, ровными розовыми овальными ногтями, одинокой родинкой прямо под мизинцем. На ней не выделялись костяшки. Это была прелестная рука. Средний палец обнимало золотое, немного потертое колечко. Кисть такая тонкая, что, клянусь, я мог бы обхватить пальцами две такие. Голубыми змейками вились вены, трогательно просвечивающие сквозь слегка смуглую кожу. А сама кожа! От нее пахло жаром и жизнью, она блестела и манила. Никогда не видел прежде такой гладкой кожи... Как будто по ней провели утюгом и стерли все изъяны. А цвет, цвет кофе с большим количеством молока. На предплечье слегка угадывалась упругая мышца. Это не была накачанная рука, но она излучала здоровье и красоту.

Учитель взял трубку, рука исчезла. Захотелось крикнуть: «Погодите, а где остальное? Покажите мне все!» Но я про-

молчал.

Звонивший уже отключился, и мы продолжили занятие как ни в чем не бывало. Точнее, Сергей продолжил обучать меня как ни в чем не бывало, а я стал мечтать об обладательнице лучшей руки на земле. Так же ли совершенна ее левая рука, как правая? Ласкает ли она моего учителя, стирает ли ему белье, месит ли тесто для пирогов? Нажимает на клавиши? Водит смычок, щиплет струны? Держит руль, поправляет очки, трогает ребенка? Зажимает сигарету, обхватывает бутылку? Дает пощечины, смахивает пыль, поднимает указательный палец вверх?

Калейдоскоп вопросов кружился в моей голове в ритме свинга², которому меня пытались научить. Было крайне сложно сосредоточиться, и мы закончили занятие пораньше.

Всю дорогу до дома я представлял, как выглядит загадочная незнакомка. Мне доставляло невероятное удовольствие строить предположения. Она высокая или среднего роста? С формами или немного мальчишеской подтянутой фигурой? Вариантов было столько, что за целую неделю я напредставлял себе сотни разных девушек и ни разу не повторился в своих фантазиях. Эта идеальная рука подходила практически всем красивым женщинам, которых я когда-либо видел. К следующему занятию тысячи образов в моей голове смешались между собой, меняясь фигурами, прическами и лицами. Волнение и надежда возбуждали. Я с нетерпением

² Свинг – направление джазовой музыки, которое возникло в 1930-х годах.

ждал, что во время занятия распахнется дверь и мне откроется тайна обладательницы руки. Но чуда не произошло. Зато я постепенно стал узнавать что-то новое.

С тех пор каждое мое занятие дарило какое-нибудь открытие о Руке. Будто занавес каждый раз приподнимался на миллиметр, но всей сцены я не видел, как и не видел женщину, живущую с Сергеем.

Например, совершенно неожиданно мне стало понятно, что она преподает вокал. Как-то раз во время урока я слышал, что в квартиру зашла девушка, а Рука ее встретила. Спустя какое-то время из коридора стали доноситься отрывки пения. Ее голос я узнал сразу. Немного разобрал разговор: давались советы. Не поют же они на кухне с подружкой ради удовольствия? Конечно, она преподает. Певица и саксофонист. Преподаватели. Эта мысль неприятно резанула.

В доме Сергея обитала еще одна женщина, Лариса. С ней-то я познакомился сразу. Породистая и ласковая, она всегда встречала гостей и виляла хвостом, потом провожала меня в комнату. Но как только мы начинали играть, Ларису выдворяли за дверь, потому что собачка любила петь и отчаянно скулила в такт моей пока что неуклюжей игре.

Лариса очень помогла мне. Благодаря ей я узнал, что предмет моих тайных фантазий зовут Катя. Сергей называл ее Катюшей.

Однажды она потеряла Ларису, и мягкий голос из-за двери спросил:

– Лариса у тебя?

– Да, Катюша, сейчас я ее выпущу.

Теперь в мыслях я мог обращаться к обладательнице самой красивой руки на свете по имени.

На неделе после этого счастливого случая у меня было много работы, и влюбленность в Катю не то чтобы поистерлась, но притихла. Я перестал глупо улыбаться без повода и бесить окружающих тем, что занят своими мыслями, не слышу вопросов и отвечаю невпопад. Но все же вечерами, когда я приходил в пустую квартиру, я все равно думал о ней. Я уже ничего не придумывал, не воображал, как мы познакомимся, не строил гипотезы. Мне было приятно от мысли, что где-то есть она и что у меня может быть шанс ее увидеть.

Видимо, почувствовав власть над эмоциями, я разошелся. Накануне следующего урока я твердо решил, что это полнейшая несусветная глупость – влюбиться в руку. Абсолютная дикость – кидаться на чью-то неосторожно просунутую между дверью и косяком руку! Только самый тупой болван способен прийти в восторг от руки. Я ворчал на себя до тех пор, пока не уснул.

Мне приснилась Катя. Я пришел на занятие и стал играть умопомрачительную джазовую композицию. Я наслаждался своей игрой, и чем больше удовольствия я получал, тем лучше у меня получалось. Дверь распахнулась в момент экстаза – вдруг в комнату вошла Катя и взяла меня за руку. Она призналась, что никогда не слышала ничего подобного, и в

этот момент комната вокруг закружилась, я проснулся. Мне не хотелось вставать. Я закрывал глаза в надежде вернуться в сон, вновь испытать то приятное чувство, когда она дотронулась до моей руки. Это было так неожиданно и хорошо! Когда что-то хорошее неожиданно, оно во много раз лучше.

Во сне у Кати были мягкие длинные густые волосы цвета грецкого ореха и маленький, но пухлый рот. Он блестел, как ягодка вишни в росе. Это все, что мне удалось запомнить.

С утра я был в отличном настроении, а около дома Сергея меня ждал еще больший сюрприз. Когда я сгорбился, как обычно, с саксофоном в руке, унижительно ожидая, когда меня впустят, мне ответил ее приятный голос с легкой хрипотцой.

– Проходите! – повторял я ее слова весь следующий вечер. И сколько красоты и гармонии может быть всего лишь в одном слове. Проходите, проходите, проходите!

Теперь, когда в моем воображении, хотя и в довольно условной форме, поселилось Катино лицо, меня так и тянуло выйти из зоны музыки и знаний, распахнуть дверь кухни или чего там и посмотреть на нее. Я также начал заниматься в три раза усерднее, чтобы играть как можно лучше. Ведь она не может меня видеть, ей нет до меня никакого дела, как и мне недавно не было дела до нее. Я мог зацепить ее единственным образом. Хорошо играть. И, может, тогда, сидя на кухне, как-то раз она услышит сквозь стену прекрасную мелодию и ей станет любопытно, что это за талантливый музы-

кант, или однажды же спросит у Сергея, как поживают его ученики, и он ответит, что есть один начинающий, но способный и подающий надежды. И тогда она не влюбится в меня, но будет знать, что я существую.

Уроки были для меня подобны археологической экспедиции. Я въедался глазами в любую мелочь обстановки, которая только могла мне что-нибудь рассказать о живущей здесь женщине. Каждая вещь, каждый запах, каждый звук были не просто вещью, запахом или звуком – это были подсказки. И если я буду внимательным, то благодаря этим подсказкам смогу дорисовать необходимые детали к размытому портрету Кати до того, как увижу ее. Тем удивительнее будет наша встреча, чем точнее будет совпадение воображения и реальности. Я отнесусь к ней как к старой знакомой. Кроме того, эти подсказки могли говорить не только о внешности, но и о характере и вкусах. А это ведь значит гораздо больше, понимаете?

Но далеко идущие выводы из каждой детали обстановки не всегда меня радовали.

Теперь я знал, какой у нее размер ноги. Каждый раз, разуваясь, я придирчиво шарил глазами по обуви в прихожей. Так я мог с ходу определить, дома ли она. Размер ноги 38. Средний. Не большой и не маленький. Стиль ее одежды по обуви я определить не смог. Она была какая-то... нейтральная. А некоторая еще и разношенная. Мне очень импонировали кремовые лодочки, но приводила в недоумение лаковая

пара туфель на платформе. Я надеялся, что эта безвкусица на десяти сантиметрах принадлежит не ей. Вдруг соседка за-
была – оставил же мне приятель свои сокровища.

Меня также немного огорчало то, что квартира их была не в идеальном порядке, словно без женской руки. Местами ободранные обои, грязь в углах, опять же, куча хлама перед комнатой для занятий. Но, если подумать, это могло быть огромным плюсом. Значит, ей плевать на домашний уют и она вскоре должна бросить Сергея. Или, может, она вообще тут не живет, а так, наездами.

Хотя, даже если я замечал какие-то не говорящие в ее пользу мелочи, это было не так и важно, потому что вся обстановка освещалась для меня присутствием волшебной руки. Она как бы давала право на существование всему – и красивому, и отвратительному. Как только я вспоминал образ Кати из сна, все (всего лишь предполагаемые) недостатки моей возлюбленной растворялись в ничто.

Один раз, придя на занятие, я с огорчением обнаружил, что хочу в туалет. Обычно я забочусь о таких вещах. Стараюсь сделать это перед выходом, не пью кофе и чай, иногда вообще не пью, специально. Дело в том, что я ненавижу ходить в чужие туалеты. Странная особенность, но таков уж я. И дело даже не в брезгливости. Я вообще не брезглив, а иногда по некоторым меркам и чудовищно халатен. Например, я не всегда мою руки перед едой или когда прихожу с улицы.

Мне пришлось зайти к Сергею в уборную. Но зайдя, я

ощутил восторг. Ведь это была и ее ванная. Вот раковина, в которой божественная рука каждый день крутила краники с горячей и холодной водой. Вот зеркало, которое имеет счастье отражать ее прекрасное лицо, вот унитаз... Впрочем, я увлекся. Я стоял в центре этого небольшого совместного санузла, как ребенок посреди Диснейленда. Я изучал и изучал его содержимое. Через какое-то время, конечно же, слышался стук, и мне пришлось прекратить и долго заверять Сергея, что со мной все в порядке.

Не ускользнуло от моего внимания и то, что ванна не блистала чистотой. Но где-то там, на задворках общего восторга. Это был сущий пустячок. Зато сколько нового я узнал о Кате! У нее было очень много разных средств, причем много полупустых баночек одинакового назначения. Увлекающаяся натура. В ряд стояли какие-то кремы, а вот из краски для лица – только одна помада. Красная. И правда, зачем ей краситься?

Было много продукции, которой мужчин только по ночам пугать. Крем от целлюлита, крем от вrastания волос, про-сти господи, крем от растяжек, размягчитель какой-то лично мне неизвестной части тела под названием кутикула. Катя мнительная и увлекающаяся натура. Звучит заманчиво!

Я взял расческу. Она больно ранила меня. У той женщины, что жила с Сергеем, были жесткие черные волосы средней длины. Спихнуть на него я это не мог – он-то был обладателем русого ежика. Пришлось образ корректировать. Впро-

чем, со времени моего сна прошло уже достаточно времени, и по мере поступления новой информации Катя вырисовывалась все четче, но все дальше от того, что я видел во сне. С волосами цвета грецкого ореха мне было особенно сложно расстаться.

Новые открытия фонтаном прорвали меня изнутри. Если ранее я собирал каждую кроху информации и мог неделями размышлять, что значит, если сегодня на диване лежала книга «Любовник леди Чаттерлей»³ с розовой закладкой? Точно ли это она оставила, и если да, что в таком случае это говорит о ее литературном вкусе? Ничего? Слишком много? О, это же целое поле для рассуждений, чем, как вы уже понимаете, я люблю заниматься.

Так вот, если ранее мне доставались лишь крохи, представьте, что же я должен был почувствовать, когда ее интимный мир неожиданно раскрылся передо мной? Самое сокровенное, тайное, почти всегда намеренно сокрытое от мужских глаз, – это ванная комната женщины. Я сильно переживал, что что-нибудь забуду, поэтому достал мобильник и сфотографировал все самые важные детали. А дома я составил очередной список. С предметами и гипотезами относительно того, что это может значить в контексте образа Кати.

Я делал выводы, не заботясь о том, что они могут быть

³ «Любовник леди Чаттерлей» (1928) – роман английского писателя Дэвида Лоуренса, публикация которого вызвала большой скандал в связи с многочисленными откровенными сценами сексуального характера.

неверны. Точнее, во мне поселилась абсолютная уверенность в том, например, что зубная щетка зеленого цвета – ее, и то, что она лежит на полке душа, означает, что Катя принимает его с утра, и там же для удобства чистит зубы, что, в свою очередь, означает... Я никогда не увлекался ни психологией, ни косметологией, но тем не менее размышлял с видом знатока. Находчивость в построении гипотез доставляла мне невиданное удовольствие.

С удовольствием росла тревога за собственное умственное здоровье. Вместо того чтобы познакомиться с девушкой, я вечерами напролет расшифровываю значения предметов интерьера ее жилища. К тому моменту прошло более трех месяцев после моего знакомства с Катиной рукой, и я наконец созрел для того, чтобы перейти к решительным действиям.

Как-то раз на уроке я завел непринужденную беседу с преподавателем на весьма отвлеченные от саксофона темы. Этот трюк, в смысле непринужденные беседы, удается мне обычно с большим трудом. Но я приложил все усилия и свой шарм, которого у меня совсем мало, если не считать способность краснеть и мямлить в самые неподходящие моменты шармом. Тогда я весьма очарователен. В общем, я, как мне показалось, плавно подошел к тому, чтобы задать сокровенный вопрос. И ответ мне не понравился.

Да, моя муза была уже чьей-то чужой. Сергей жил со своей женой. Впрочем, можно было не затевать и непринужден-

ного разговора, а обратить внимание на определенный палец определенной руки Сергея, которое украшало обручальное кольцо. Но мое воспротивившееся реальности бедное сердце потребовало более веского подтверждения трагедии всей моей жизни.

Я понял, все кончено. Я настраивал себя, я пытался забыть эту руку и не мог. Я продолжал исследовать квартиру, вслушиваться в шорохи соседней комнаты, мечтать о том, что к домофону подойдет она.

К слову, мои успехи на саксофоне можно назвать феноменальными, учитывая, что я постоянно думал о другом, прислушивался не к музыке, а к квартире, смотрел не в ноты, а вокруг. Вероятно, прогресс был из-за того, что я много музицировал дома. Мало времени посвящая упражнениям, с упоением исполнял простые, доступные мне мелодии, мечтая очаровать Катю музыкой. Блуждая в красоте нескольких нот, почти всегда фальшивых, я все же получал столько удовольствия, что постепенно мои воображаемые успехи стали почти реальными. Говорят же, мысль материальна, а в силе и настойчивости моей мысли можно не сомневаться. Музыка лилась от сердца, которое надеялось биться в такт с тем, что качало кровь к самой прекрасной руке на свете.

Все изменилось после того, как мои худшие опасения подтвердились. Теперь я занимался меньше, ведь игра потеряла очарование мечтой. Все больше я ограничивался пятнадцатью минутами самых необходимых упражнений и с тоской

смотрел на черный футляр в углу комнаты. Иногда я даже жалел, что спросил о ней напрямую. Так я мог продолжать упиваться своими мечтами еще долго. А так – ни хобби, ни увлечения.

Один раз я даже почти решился сменить преподавателя. Моя рука уже набирала номер другого учителя, но никогда не нажимала на кнопку с зелененькой трубочкой. Я был жалок. Отказаться от возможности слышать сладкий голос и утратить надежду хотя бы увидеть ее было выше моих сил.

Я страдал. Несчастливая любовь и недовольство собой не самая удачная смесь для хорошего настроения. Я даже пытался представить, что на самом деле она старая и противная, с огромной волосатой родинкой на носу, хромой ногой и родимым пятном на щеке. Все было тщетно.

Когда я дошел до отчаяния от собственной слабости, тотальной неспособности бросить занятия или прекратить мечтать, произошло неизбежное. Катя открыла мне дверь и – о ужас! – она действительно была не совсем прекрасна. Конечно, не настолько отвратительна, насколько я силился себе вообразить, и все же мое сердце как будто оторвали. Я почувствовал себя полнейшим дурнем, идиотом. Даже первое крушение надежды на то, что она свободна, не было столь сокрушительно.

– Познакомьтесь, это Катя, моя жена.

Ей было лет сорок. Самое удивительное, что большинство моих догадок оказались верны, но все на свете можно повер-

нуть и так и эдак, и в ней все, что я вообразил, было повернуто не так.

У нее действительно были черные волосы средней длины, жесткие. Жесткие – значит густые, думал я. Нет, они были довольно редки, что было особенно заметно именно потому, что они были темного цвета.

Она не красилась не оттого, что была настолько хороша, что не нуждалась в косметике. Катя просто не использовала ее и вообще выглядела неухоженно. Вот и неряшливость, которая так раздражала меня, воплощенная в беспорядке их квартиры.

Я знал, что она добрая, потому что у них была собака, она никогда не кричала на учениц и предлагала им чай и, если шла в магазин, всегда спрашивала, что купить Сергею. Лутики морщин в уголках глаз – вот еще одно невеселое подтверждение ее доброты.

Я знал, что она умная, потому что у них было много книг, она прекрасно пела и так однажды охарактеризовал ее сам Сергей. Огромные очки с толстыми стеклами – еще одно подтверждение. Неужели я ни разу не замечал футляра от них?

Я вперился в ее руку, но ничего не увидел – на ней было пальто и перчатки. Она собиралась уходить.

– Приятно познакомиться.

Как может столь божественный голос принадлежать столь невзрачному телу? Я был настолько ошарашен, что, выйдя

из подъезда после занятия, сел на лавочку в их двореке и закурил. Мне не хотелось покидать место счастья и падения. Мне хотелось посамобичевать себя, причем посамобичевать в непосредственной близости от места моего позора.

Вдруг открылась дверь подъезда, и кто, вы думаете, ее открыл? Та самая Рука! Но это была не Катя, а другая, с волосами цвета грецкого ореха. Она уходила все дальше и дальше от того самого дворака, но я не подошел к ней, не попытался познакомиться.

Я прокручивал назад свои безумные три месяца. С чего я взял, что та рука, протянувшая трубку Сергею, именно его жена и сожительница? Она могла быть кем угодно. Гостьей, соседкой, ученицей. Любой девушкой, случайно или намеренно зашедшей в их квартиру.

Я устал строить предположения. Затушил сигарету, пошел домой и вычеркнул из своих списков еще одну строчку. Я больше никогда не играл на саксофоне.

Я всегда буду любить тебя!

Анастасия сидела за столом. Ее рука – сморщенная, с пигментными пятнами и большой волосатой родинкой прямо на запястье – дрожала, а вместе с ней и крепко зажатое между пальцами письмо. Слеза катилась по щеке, натыкаясь на морщины. Они напоминали русло реки, ожившее благодаря соленой капле. Настя не плакала уже пять лет. «Как это несправедливо, – подумала старушка. – Родной сын хочет избавиться от меня, а ведь я никогда не хотела быть обузой».

Зашла соседка. Ася развернулась в своем современном инвалидном кресле и оказалась к ней лицом. Двери она давно не запирала, так как жила в этом доме достаточно долго, чтобы знать всех жителей подъезда и доверять им. «А если кто решит заграбастать мое барахло и убить – да и пусть, все равно я никому не нужна».

Ася развернулась в своем современном инвалидном кресле и посмотрела на соседку.

– Хреново выглядишь.

– Сама не девочка с персиками.

Старухи засмеялись. С этой шутки начинался каждый их разговор вот уже десять лет. Десять лет дружбы, основанной лишь на том, что обе они старые, одинокие и живут в одном подъезде. Частенько они друг друга раздражали, но куда им было деться?

Ася с нежностью посмотрела на фотографию сына и покатила на кухню мимо соседки.

– Поехали пить чай!

Она всегда говорила «поехали» вместо «пошли». К семи-десяти восьми годам она сохранила чувство юмора и даже была способна потешаться над двумя бесполезными отроутками, что занимали место ее сильных ног. Ася ловко поставила чайник. Соседка тут же села за стол и даже не думала помогать: «Что-то сегодня она и вправду хреново выглядит».

Чайник вскоре взвыл, кружки зацокали, бергамот принялся щекотать ноздри.

Соседку звали Маша. Она находилась в куда более выгодном положении, чем ее подруга. Во-первых, она не была инвалидом. Во-вторых, ей было только шестьдесят девять лет. «Молодуха» – так посмеивалась над ней Ася. У Маши была квартира больше, и дети посещали ее чаще. Но она была из тех людей, что принимают хорошее как должное. Самодостаточность Аси иногда ее раздражала, но Маша мысленно успокаивала себя тем, что без нее Ася, конечно же, все равно бы пропала.

Асе же такие мысли в голову не приходили. Она вообще не была склонна к рефлексии – больше любила делать. В ней совершенно не было этой типичной для некоторых инвалидов убежденности, что весь мир им должен и судьба несправедлива. Наоборот, этот человек умудрялся видеть в своем положении плюсы. Например, многие в ее возрасте еле та-

щатся, раздражая водителей, вынужденных чуть ли не полчаса ждать, пока старики перейдут дорогу. Она же мчалась на своих двух – пусть на колесах, не ногах. Конечно, Москва – это не Берлин или Лондон. На инвалидов здесь всем наплевать. Но пандус в подъезде Ася себе выбила. Опять же, живет на первом этаже. А далеко ездить ей все равно некуда. Все нужное, то есть Маша, всегда под рукой!

В общем, инвалидом Ася себя совсем не ощущала. Единственное, что в этой жизни было способно ее расстроить, это безразличие сына. Вот тут она, как ни тужилась, положительных сторон найти не могла.

Ася ловко накрыла на стол. В этой небольшой квартире хозяйка обустроила все так, чтобы было удобно. Поначалу к ней приставили сиделку, но стало быстро понятно, что это – гиблая идея. Старуха была с норовом: не могла она терпеть рядом незнакомого человека только лишь из одной необходимости. По любви еще куда ни шло – прожила же она с мужем двадцать пять лет бок о бок. Но и тот ее покинул слишком рано, зараза. Она так и говорила: «Зараза, на что ж ты меня покинул-то!» Когда в пятьдесят пять после неудачного падения у нее отнялись ноги, к своему обыкновенному восклицанию она прибавляла: «Серег, смотри, что теперь со мной стало!»

– Что нового?

– Очень смешно.

Ничего нового в жизни этих женщин уже давно не проис-

ходило.

– Ну тогда слушай. Сын написал, хочет отдать меня в дом престарелых.

– Но... Как же?

– Не пужайся! Я просто так не дамся. – Настя отвела взгляд и несколько секунд таращилась в пустоту.

– Что же конкретно он написал?

– Нужны деньги. А я, видимо, не нужна, понимаешь? Квартиру эту продать хочет. Мне, видите ли, нужен особый уход и всякое такое и всякое сякое...

– Да, дела...

Настя напряглась, даже покраснела. Она, как всегда, старалась изо всех сил. Но неизбежное случилось. Последнее усилие, губа вверх-вниз – и старая женщина расплакалась.

– Уууууууу, – заревела-завыла Настя.

Машу передернуло. В жизни она не слышала ничего страшнее. В этом крике завели хороводы и боль, и обиды, и тяготы, и страх. В нем был первый раз, когда сын отменил свое посещение. В нем был медленный переход от визитов каждый день к посещениям раз в неделю, раз в месяц, а затем – когда придется. В нем был отказ сына звонить, когда он переехал. Писать письма ему казалось намного удобнее и, как он убеждал, романтичнее, ведь в них есть его частичка. Был там и первый день рождения в одиночестве, так как мужа нет, сын забыл, а соседка не смогла. В нем было горе и мертвецкая безнадега. Этот вой пояснял: жизнь бессмыс-

ленна.

* * *

Кухню-лилипут поглотил запах жареного мяса с луком. Семья ужинала. Мама и папа с энтузиазмом обсуждали запланированный отпуск. Сын замер с занесенной над бифштексом вилкой – боялся пропустить малейшую деталь. Ведь взрослые обсуждали море, а мальчику предстоит в первый раз увидеть, что оно из себя представляет! Это был тот редкий момент, когда в комнате оказались сразу три абсолютно счастливых человека.

Поцеловав мужа, женщина принялась за посуду. Почесала родинку на запястье, которую не очень любила. Но не за откровенную неэстетичность, а за то, что чесалась сильно.

Сын ей помогал. Начисто вытертая тарелка – и можно запросто попросить еще одну вафлю. А он их обожал!

Мама уложила мальчика, прочитала ему на ночь сказку, много-много раз поцеловала.

– А кто это у нас такой сладкий? – и пощекотала шейку. Он засмеялся и, успокоившись, мгновенно уснул, как умеют только дети. Мама еще минут пять смотрела на сына.

Она подошла к окну и замечталась. На фоне принарядившейся Москвы заплясали картинки. Вот сынишка превратился в мужчину, красивого и состоявшегося. А тут Ася с мужем в солнечный день копаются в огороде, и он приезжает

их навестить. Потом они вместе проводят прекрасный вечер на веранде. Пьют вино и обсуждают успехи...

Улыбнувшись, вышла из комнаты и, пританцовывая, направилась в спальню.

Вдруг ей вспомнилось, как днем они ходили в булочную. Там в очереди увидели молодую женщину с матерью. Старушка смешно перетаптывалась с ноги на ногу и все время повторяла:

– Доча, не бросай меня! Доча, потеряться боюсь!

А доча громко, с раздражением в ответ:

– Да тут я, мама, успокойся!

Асе старуха показалась комичной. Советские старухи либо опасные, либо жалкие. А эта почему-то смешная. Она сказала сыну, что, когда состарится, тоже будет немощной и нелепой.

– А ты, наверное, будешь меня стыдиться тогда?

– Нет, мама, нет! Я всегда буду с тобой ласковым! Я всегда буду любить тебя! – и крепко-крепко обнял.

Ася рассмеялась. Сложно же ей было тогда его успокоить, он все никак не хотел разжимать ручонки.

Нырнула под одеяло к мужу.

– Что смеешься?

– Да так, ерунда, – и она изо всех сил прижалась к любимому. А в голове всё вертелись слова сына, пока, затихая, не уступили место крепкому сну: «Я всегда буду любить тебя!»

Хорошо в теплый вечер прогуляться по Мадриду. Солнце на прощанье краснеет, стесняется. От парка «Ретиро»⁴ тянет травой и уличными пончиками. Звенят кафе, жужжат автомобили, щелкают каблуки. Город улыбается, выжимая, выгоняя, выдавливая печаль и грусть. Но был тут один пешеход, что возвращался домой будто тюбик закупоренный. Мадрид то так подмигнет зеленым светофором, то эдак распахнет роскошный вид, а все никак.

В плохом настроении пришел домой неподатливый мужчина. Сил на разговоры не было. Будто тело прокрутили сквозь мясорубку, а голову перегрузили, как жесткий диск. Говорили же родители, не иди в дипломаты! Но он мечтал о профессии, связанной с командировками, с того самого раза, как впервые увидел море.

– Что угрюмый-то такой?

– Ничего.

– Не увиливай.

– На работе опять интриги плетут. Как бы в Никарагуа не отправили.

– Да ладно?

После стремительно исполненного супружеского долга

⁴ Парк «Буэн-Ретиро» – городской парк в мадридском районе Ретиро.

жена достала книгу из ящика прикроватной тумбочки. Муж не спешил сделать то же самое.

– Знаешь, я не уверен, что правильно поступил.

– Ты про письмо Анастасии Владимировне? Ну ты же знаешь, нам понадобятся дополнительные расходы: врачи, кровать, всякие мелочи. Да и ей пора бы уж перестать упрямиться. Таким людям нужен особый уход.

– Да уж, скорее, к моей маме нужен особый подход.

– Не переживай. Как только она узнает, тут же все поймет. Она так тебя любит!

Он отвернулся и сделал вид, что уснул. Он думал о том, что надо купить билет в Москву и поговорить с мамой. Но начальник не даст отпуск еще месяца четыре, а жене нужно будет все объяснять, и она обязательно поймет, но сначала будет дуться, а это невыносимо...

Ему снилось море и тетя Маша. Она смотрела, как он тонет, и не шевелилась.

Незнакомка

В декабре я всегда на мели. Мело. Снег залеплял глаза, в четыре часа дня темень уже окутывала действительность. Я шел по старинному баварскому городку в надежде встретить знакомого, чтобы тот угостил меня. В центре всегда прогуливались мои сокурсники, но в такую погоду за воротниками, шарфами и капюшонами трудно кого-либо узнать.

Холодно, голодно, тоскливо. Город усыпали крошечные огни, складывающиеся в звезды, елочки и прочие рождественские знаки.

Я шел медленно, без цели. И заметил ее.

Стройные ноги в кожаных сапогах, строгое серое пальто, объемный шарф и золотые волосы, будто гирлянда тех самых огоньков, – все это было, безусловно, прелестно, волнительно, но только ее лицо было и торжеством, и безумством, гипнотизировало моментально. Девушка смотрела под ноги и шла, немного наклонившись вперед, как маленький храбрый солдатик, противостоящий злему ветру. Когда я прошел мимо, она даже не подняла глаза, а я застыл на месте, ошеломленный, потерянный и уже влюбленный. Развернулся и последовал за мечтой.

Сладкое томление так резко взорвалось во мне, что я был готов немедленно напрыгнуть на нее сзади, обнять и унести. И даже если бы она оказалась вздорной идиоткой (о, сколько

я пострадал от вздорных идиоток!), я бы никогда-никогда ее не отпустил.

Я шел за ней и старательно выдумывал, как мы можем познакомиться. Хотелось найти грациозное решение, и как можно скорее, но оно все время ускользало. Необходимо действовать быстро.

Мне часто снился сон, когда я должен что-то предпринять, и даже знаю, что именно. Например, стою на рельсах, и на меня несется поезд, и нужно всего лишь сделать шаг в сторону, но я его не делаю. Какое-то извращенное наслаждение растекается по телу в такие секунды. Наверное, потому, что я все же знаю, что нахожусь в пространстве сна, ведь в реальности подобное развлечение едва ли доставило мне удовольствие. Во сне же одновременное ожидание краха и щекотливое бездействие несли блаженство. То же самое я испытывал тогда, на улице, наяву. Мечта зашла за стеклянные раздвижные двери к банкомату.

Я смотрел, как красавица вводит пароль и забирает деньги, и не мог не заметить, что купюр было великое множество и все крупные. Внезапно я понял, что ее идеальную фигуру обнимало кашемировое пальто, что мех на нем с живого зверя, а сумка стоит как моя зарплата за три месяца – все же за нее отдал жизнь самый настоящий крокодил. Я обнаружил, что лучшее в мире лицо светилось в обрамлении бриллиантов. И когда она элегантно заправила прядь за ухо, я уже

не думал о нежной коже между розовой ушной раковиной и фирменным шарфом. Я думал о деньгах.

Ангел вышел и свернул с главной улицы в переулок. Лицо мне разрывала кровь в такт ударам сердца и не попадал с ударами ее каблучков о мостовую. Вокруг ни души. Мне страстно захотелось ее. Ограбить. Необходимо действовать быстро.

Недавняя истома с новой силой захватывала тело. Я бросил старые привычки, я честный студент, я кручусь на двух дополнительных работах, и что же? В воскресный день блуждаю по городу голодный, в надежде найти угощение! Достойно ли это ученого и честного мужчины? Нет, решительно недостойно. И ведь ничего не стоило вытащить кошелек, как меня научил отец, чей дед прославился еще на Хитровке⁵. Воровство у меня в крови. Изящно, так, что она даже не заметит, я мог получить огромную сумму денег, пойти и сам кого-то угостить. Запить и пропустить лекцию. Или даже съездить с хорошенькой девушкой в Берлин на выходные. Не ангелом, но просто симпатичной – мне будет достаточно. Запах пшеничного пива и жареного мяса уже баловал ноздри. Фантазия живописала, но кто-то грубо нас прервал.

Для Баварии откровенный грабеж – дело неслыханное. Однако я не только слышал, но и видел, как из мглы отделились три крупные фигуры и по-русски потребовали: «Гони бабло, сука!»

События настолько противоречили и сонному прянично-

⁵ Имеется в виду Хитровская площадь, расположенная в центре Москвы.

му городку под снежным пледом, и ангелу с крокодиловой сумкой, что мне стало девушку нестерпимо жаль. Я вспомнил ее нежное лицо, я видел хрупкую фигуру на каблучках... В нашем с ней гипотетическом будущем она дышала «духами и туманами»⁶, а они так грубо, хотя и на великом и могу-чем... Я испытал буквально физическую необходимость спасти девушку. Я никогда не был смел, но антонимичные чувства, посетившие меня за последние пятнадцать минут, раздвинули границы волнений, доселе мне доступные. Необходимо действовать быстро! Я не думал, я не мешкал, я двинулся вперед, тощий, неустойчивый, голодный рыцарь против трех гор мускулов.

Но мне пришлось резко остановиться, так что они и не заметили надвигающейся угрозы.

Передо мной разыгралась сцена из боевика. Ангелу на каблуках, чтобы повалить бугаев, понадобилось ровно столько времени, сколько мне, чтобы протащиться двести метров навстречу опасности, зажмутив глаза.

Она не летала вокруг собственной оси с ногой-копьем и рукой-молотом, не вырубала наотмашь локтями, но тремя четкими ударами ребром ладони по кадыкам заставила ребят прилечь. Затем побежала мне навстречу, по дороге схватила за руку, и мы понеслись. На лету я раскрыл рот и почувство-

⁶ Аллюзия на стихотворение Александра Блока «Незнакомка»: «И медленно, пройдя меж пьяными, / Всегда без спутников, одна, / Дыша духами и туманами, / Она садится у окна».

вал неприятный запах голода, исходящий из желудка.

Через пять минут, показавшихся мне вечностью, мы остановились, и она, ни капли не задохнувшись, предложила:

– Пойдем выпьем! Я угощаю.

Эта сука Мариванна

Из нутра вверх, к горлу, подступило возмущение: «Эта сука Мариванна!»

На улице темень, хотя было не так уж и поздно, – что поделаешь, зима! Окно квартиры Анвасильевны, семенившей домой, превратилось в телевизор: горел свет, какая-то сгорбленная фигура то и дело мелькала из стороны в сторону, слева направо, справа налево. Не показалось.

«Надо было забрать ключи у соседки! Так и знала, что она в мое отсутствие бегают ко мне и ест колбасу. А я-то думала, что сумасшедшая! Что маразм подступил! Нет, вот она – причина вечно пропадающей еды, переставленной посуды и черт знает чего еще эта там у меня выделявала! Ну я сейчас задам ей жару! Я ее волосенки-то жиденькие пообрываю». Анвасильевна погладила свою шапку, туго набитую скрученной седой косой. Мелкие шажки крепких ног набирали скорость. «Хорошо еще, что зрение меня не подводит. Далеко гляжу!»

Возмущение подгоняло старое тельце Анвасильевны, избивая гневом, словно хлыстом. Она ловко взобралась по лестнице. Ждать лифт не было мочи. Осторожно повернула ключ. Затаилась в прихожей. «А эту нахалку наглость будто омолодила! Вон какие шаги твердые, что-то там сгребает на кухне. Так, я сейчас тихонько подкрадусь и напугаю ее...»

– Попалась! – Старуха запрыгнула в комнату, словно черт из табакерки. Подняла руки вверх, глаза выпучила да так и застыла. За столом сидел мужик в маске.

– Помогите! – просипела она.

– Которая кусалась, – ответил ей обладатель южного говора.

Анвасильевна сидела связанная в собственном шкафу и проклинала Мариванну.

– Эта сука Мариванна, если б не она, уж я б догадалась милицию вызвать!

Плевать или наплевать?

Мужчина заселился в гостиницу. Ростов-на-Дону не Париж, но всякая смена обстановки нравилась Сергею Владимировичу. В Москве, с брошюр, загородный отель хвастался европейским комфортом. Но в Ростове стыдливо прикрывал торчащую то тут, то там советскую плоть легковесными нашлепками капитализма. Наименования номеров, блюд и услуг конфликтовали с предметами. В «роскошном, но уютном спа «Турмалин»» – потрескавшаяся плитка, за «изысканным десертом «Экзерсис»» скрывались банальные булочки, а в «комфортабельные сюты «Весталия»» нет-нет да и заглядывали тараканы.

Сергей Владимирович приехал из столицы за рулем, измотался и измочалился. Первым делом он позвонил в обслуживание номеров, чтобы заказать бутылку водки и что-нибудь покушать. Уже через десять минут молодые ребята принесли ему добротный кусок мяса с картофельным пюре и запотевший графин. Номер Сергея Владимировича был тесным, но официанты проворно разместили яства на широком подоконнике, расстелили белоснежную салфетку на коротких бедрах посетителя, только что не мясо пожевали. Без запинки и не без юмора ответили на вопросы, настроили кондиционер и, слегка поклонившись, ушли. Они явно хотели

угодить, но не ставили этим желанием в неловкое положение. Выходило естественно.

Ныл летний вечер. И кому не захочется выкурить сигаретку-другую на балкончике после пары рюмок и вкусного ужина? Хорошо! Но что-то мелко царапало душу.

Когда молодые люди собрались уходить, Сергей Владимирович сунул им сто рублей – все, что было в кармане.

Вот оно!

«Такие ребята молодцы, все принесли вовремя, вежливые, чистенькие, улыбались, а я с чаевыми продешевил. Ну что им сто рублей на двоих? Надо было дать больше!» – Владимирович стукнул кулаком по перилам балкона, куда он все-таки вышел, но пока не закурил. Влажные, слегка навывкате глаза смотрели вдаль, в лесную чащу, в поисках сочувствия. Погоды стояли уютные, и дождь с грозой не спешили разразиться, чтобы аккомпанировать затруднению героя. Боли от удара он не почувствовал, ладонь не разжал, но перехватил ее снизу левой рукой.

«Отель полупустой даже летом, я, может, вообще последний, кто закажет еду в эти выходные. Как нехорошо получилось! Сам ведь когда-то подрабатывал официантом. Ах, это лето девяносто пятого и Нинка в красном купальнике... – Даже Нинкино загорелое тело не изменило вектор тяжелой мысли Сергея Владимировича. – Они точно расстроились, а может, и возненавидели меня. Да точно возненавидели! Насмехаются над старым козлом и уже наверняка придумали

противное прозвище».

Сергея Владимировича передернуло. Не любил он, когда не любили его. Все загундело внутри, заворочалось. Что делать?

Он попытался отвлечься чтением. Книга лежала на столе – видимо, кто-то забыл (или намеренно оставил?) в номере, причем этот кто-то явно был шибко умным: не каждый станет читать Катулла⁷. Сергей Владимирович не был знаком с автором. Открыл наугад. Прочитал первую попавшуюся на глаза строчку: «А вот челнок, вы, иностранцы, видите...»⁸ Книга захлопнулась. Телевизора не было. Интернета тоже.

Сергей Владимирович позвонил приятелю из Ростова и узнал, сколько принято тут оставлять на чай. Вдруг по местным меркам сто рублей – очень даже? Ну пусть не очень, но не позор? Только расстроился.

Он стал вновь корить себя за непредусмотрительность. Ведь мог бы подумать о такой мелочишке заранее, а не позориться ста рублями. Вот если б парни не были так предупредительны, он доел бы ужин, чуток напился и лег спать. Но чужая вежливость всегда налагает обязательства.

Так маялся московский гость, пока не решился: «Надо заказать десерт и дать чаевые как надо». Да и сладкое он лю-

⁷ Гай Валерий Катулл (ок. 87 г. до н. э. – ок. 54 г. до н. э.) – один из главных представителей римской поэзии в эпоху Цицерона и Цезаря.

⁸ IV стихотворение из «Книги Катулла Веронского». Цитата представлена в переводе В. Сосноры.

бил. Настроение резко поднялось, он снова вышел на балкон и все-таки закурил. Сергей Владимирович улыбался собственной находчивости. Наслаждение было полным.

Антон и Костя дружили недавно, но крепко. Подрабатывать официантами летом тоже решили вместе.

В то воскресенье они очень обрадовались позднему заказу еды в номер. Им как раз не хватало совсем немного, чтобы сводить подружек в кино и чувствовать себя не стесненными в средствах. Сергей Владимирович показался им солидным и щедрым. Молодые, они изначально всех оценивали положительно, пока люди не доказывали обратное.

Антон и Костя старались. Принесли все вовремя, даже не доиграв партию в дурачка. Не забыли употребить волшебные слова. Они ждали чаевых, а сто рублей ждали их.

Парни хором проартикулировали губами «мудак», как только за ними закрылась дверь. Решили, что мужик – полное говно, а девчонкам надо позвонить и перенести кино на завтра. Они вернулись к партии дурачка, махнув по рюмке огненной воды. Через пятнадцать минут их смена заканчивалась.

А через десять минут Сергей Владимирович заказал десерт – блинчики со сгущенкой. Пока их готовили, друзья думали, как насолить жадному мужику.

Получив блюдо, они шли по еле освещенной дорожке к корпусу, где жил Сергей Владимирович, и смаковали предстоящую месть. На крыльце корпуса они сняли с тарелки

прозрачную пленку, аккуратно развернули блинчик и смачно плюнули в начинку. Затем, закатав обратно блин, с чувством выполненного долга и восполненного достоинства, отправились обслуживать клиента.

Он с нетерпением их ждал. Заранее достал купюру из кошелька и положил в карман. Мужчина с удовольствием и облегчением отметил, что юнцы снова вежливо улыбались, несмотря на сто рублей.

Друзья еле сдерживали смех, когда Сергей Владимирович протянул им пятьсот рублей, тепло посмотрел в четыре глаза и пожелал спокойной ночи.

Парни молча спускались по лестнице. И только на улице Антон спросил:

– Может, рассказать мужику про плевков или принести новое блюдо? Ну, что-нибудь наврать.

– Мужик вряд ли оценит нашу честность, а без работы до конца лета с девчонками в кино особо не походишь, – мудро помыслил Костя.

– Но это же так просто, – спустя минут пять опять настаивал Антон. – Скажем, что блюдо перепутали, что блинчики эти с мясом и их очень ждут в другом номере.

Но Костя заметил, что повариха-сволочь заставит платить по счету их, а блины как раз пятьсот рублей в меню и стоят.

– Ну как же тебе не противно?

– Да противно, просто ничего уже не поделать.

Антону кино не доставило никакого удовольствия. Он ду-

мал о том, что был бы счастливее, доигрывая партию в ду-
рачка под водочку с другом, чем сейчас, с обалденной де-
вушкой, которая в темноте жметя к его плечу. Костя верил,
что из всякого опыта можно сделать конфетку, и после филь-
ма пересказал с забавными прикрасами и неотразимой же-
стикуляцией историю девчонкам. Они хохотали до слез. Но
хотя он и смеялся с ними, ему тоже не было весело.

А Сергей Владимирович съел десерт и лег спать. Ничто
его не тревожило.

Где я страдал, где я любил

«Жизнь все расставит на свои места», – говорила тебе мама. А ты каждый вечер рыдала в подушку. Ты кусала ее и издавала странный звук, смесь гудка и воя. Подушка не давала ему стать громким, возвращая внутренностям истощный вопль. Он растворялся где-то в желудке, и становилось чуть легче. На наволочке оставался мокрый овал. Я почему-то запомнила твой способ бороться с болью, и в жизни, к сожалению, он мне пригодился.

Тебя бросил Петя. Шесть недель гладил по голове, называл «моя девочка» и дарил шоколадки, а потом ушел к раскрашенной кукле из сказки. К дуре этой, на Белоснежку похожей. Тогда мы ненавидели всех брюнеток.

Если б не Петька, а Васька или Савка ушел от тебя, было бы не плохо, а неприятно, ты уверяла. А Петька как кусок сердца, ты уверяла. Только с ним тебе было всегда весело, всегда интересно, всегда! В жизни так только раз бывает, ты уверяла. А я верила, представляешь? Даже о такой же любви мечтала. Чтоб никак от нее не избавиться. «Дура, иди домашнее задание лучше сделай!» – говорила мама. А ты отвечала, что не можешь. Она хлестала тебя мокрым полотенцем, улыбалась и обзывала душой. Ты начинала отбиваться, немного ее ненавидеть, и становилось легче.

Когда на работе меня обвинили в краже платков, я при-

шла к твоей маме и попросила и меня отхлестать. Она, конечно, с удовольствием, но ненавидеть ее, даже немного, мне не удавалось. Поэтому больше я ни о чем таком не просила.

Ты печально смотрела из-за угла, до сих пор помню ваш обшарпанный деревянный кухонный угол с красной обшивкой. Я часто жалела тебя, но тогда впервые мне вдруг стал противен этот твой грустный, равнодушный к моему горю взгляд, эгоистичный взгляд страдальцы из любви к страданию.

Даже в тот вечер ты заставила меня выслушать какую-то нелепую историю о том, как ты столкнулась с ним в булочной. Я ненавидела Петьку. Казалось, ненавидела так же сильно, как тебе казалось, ты его любила. Теперь-то, конечно, нам не восемнадцать лет...

– Ну ты разошлась! Чаю подлить?

– Ну а как же? Вот эти твои слова: «А когда-то ведь я по нему с ума сходила»... Ты не сходила с ума, ты просрала наши лучшие годы, точнее год, тот самый год! Когда надо было целоваться и улыбаться так, чтобы мышцы лица уставали.

– Не преувеличивай!

– Я? Кто за этим Петькой несчастным следил и встречи подстраивал? А по вечерам кусала подушку и дралась с мамой я? Кто не ел и гулять со мной не ходил, даже когда мне хотелось-хотелось? Кто был способен радоваться не больше часа, а потом видел какую-нибудь нелепицу, вроде цветов, которые он тебе как-то подарил, – а ромашки в деревне ле-

том немудрено увидеть – или прическу такую же у другого парня, и выпадал? Все, уходил от меня прочь? Подруг осталось у тебя только две, а ведь ты была самая популярная на первом курсе! Только я и Анька могли любить тебя, несмотря на этот постоянный треп о Пете, его глазах и невероятном шарме. Аня была тоже невзаимно влюблена, вам было что обсудить, а я просто люблю тебя.

– Не повезло.

– Ну ладно, зато тебе повезло! – женщина расхохоталась.

Подруге смех не понравился. Две женщины сидели на кухне в огромном загородном доме.

– Не говори, а что могла натворить тогда... Я, когда дверь открыла, сразу не узнала. Сантехника ждала, а не несчастную любовь всей жизни. Его на кухню отвела, кран показала, и тут меня пронзило. Взгляд, знаешь, у него все тот же. Я не поверила! И первая мысль, представляешь: надо будет тебе позвонить и рассказать. Он выглядит уже стариком, а ведь наш ровесник. Половина зубов – золотые, другой половины нет. И сижу вот на твоём месте, смотрю на него и думаю: а что бы было, если б он меня не бросил? Жили бы мы сейчас в этом красивом доме или я была бы женой сантехника?

– Прямо риторика Мишель Обамы⁹. Старое желание не вспыхнуло, значит?

– Тогда за одно прикосновение готова была жизнь отдать,

⁹ Мишель Обама (1964) – адвокат, супруга 44-го президента США Барака Обамы.

теперь приближаться-то не захотелось.

– Он тебя узнал?

– Не думаю...

– Расстроилась?

– Обрадовалась!

– Права была твоя мама.

Навсегда твой

В вагон зашли молодые люди. Он и она. Рожи счастливые, над чем-то смеются. Присели. Ручки сложили клином на коленках, губки куриной жопкой. Переглянулись шальными глазами и опять давай ржать.

Парень страшненький такой, но с искоркой. Волосы кудрявые, глаза собачьи, нос мясистый, зубы кривые. Он смеялся, раскрыв рот до предела. Казалось, что еще немного – и челюсть выскочит. Но смех его был не совсем искренен. Когда девушка жмурилась от удовольствия, он за ней подсматривал, а хохотал скорее по инерции.

Она же была по-настоящему привлекательна, еще больше от того, что не стеснялась компании неказистого парня, а очевидно ею, этой компанией, наслаждалась.

Я сидел напротив. Мне стало интересно, над чем они смеются. На то было две причины. Во-первых, красивая девушка. Во-вторых, мне отчего-то всегда надо знать, над чем смеются другие. Вдруг надо мной? Но они, черти, не произнесли и слова, а только смеялись и смеялись. Умолкали, переглядывались – и по новой. Точнее, по старой.

Сидели тесно, народу много. Я стал воображать.

Брат и сестра, двоюродные. Или нет, старые приятели? Бывшие одноклассники? Члены книжного клуба? Будь между ними что-то большее, парень наверняка бы это продемон-

стрировал. В неравных парах так всегда: менее выигрышный партнер постоянно цепляется за предмет своего обожания. То руку положит на колено, то обнимет, то чмокнет невзначай, как бы говоря окружающим: да, в это сложно поверить, но сокровище мое, не тронь! Правда, в глазах парня не было никакой опаски или агрессии.

Они повторяли какой-то свой жест. Стоило парню пальчиком потрясти, как их тела завоевывал приступ мелкой дрожи перед очередным взрывом смеха. Так проехали одну остановку, и не успел я придумать, сколько лет они знакомы, когда поженятся и каких детей нарожают, как мне пришлось остановиться.

Девушка встала.

– Мне выходить.

Парень расстроился:

– Скажи хоть, как тебя зовут?

Девушка глянула куда-то мимо. Парень повторил их таинственный жест, видимо, в надежде напомнить ей о тех славных минутах смеха, которые – вот же, только что – они пережили. Но жест вышел жалким. Девушка улыбнулась в последний раз и вышла из вагона.

А я вспомнил, как много лет назад почти так же, случайно, познакомился с женой на улице. Я поскользнулся на льду, упал и скатился с горки пузом кверху. Еще незнакомая мне «уже двадцать лет как Таня» бесстыже рассмеялась. Пораженный ее наглостью и очарованием, я вновь и вновь падал,

скользил с пригорка и на боку, и задом, и сложив руки крестом на груди, и вытянув их вдоль туловища, и на корточках, и коленях, и четвереньках, и еще бог знает как. Конечно, в какой-то момент аттракцион ей наскучил, и она удалилась вот так же гордо, не назвав имени.

Правда я, презрев собственное уродство, все же пошел за ней и настоял на том, что провожу до дома.

– Растяпа, – шепнул я про себя, хотя хотелось в оттопыренное ухо парня.

Я вышел на той же остановке в приподнятом духе. Позволила Таня:

– На этих выходных дети у тебя или у меня?

– У меня. Но ты, если хочешь, присоединяйся.

– Нет, я на свидание, Сереж. Сережа!

– Что?

– И спасибо, что поменял колеса. Как хорошо, что ты остался навсегда мой лучший друг.

Последний сон Мелинды

Старуха сидела в центре огромной террасы совершенно одна. Поблекшая плитка шурилась на солнце, ей подмигивали слегка выцветшие растения. Не отставали колонны с облупившейся краской. Кресло заунывно скрипело. Предметам и женщине отвечало море. Оно в неспешном ритме встречалось и расставалось со скалами, чьи голые бока были равнодушны ко всему вокруг. Они были выше улыбок. Впрочем, их безразличие ни капли не волновало редкие танцующие травинки и старуху. Она встала с кресла, разложила плед, сняла шляпу и показала скалам язык. Ей нравилось проделывать что-нибудь эдакое, пока никто не видит, а потом смеяться наедине с собой.

Этот плед был ее кроватью и обеденным столом. Так она платила за грехи молодости.

Ее первым грехом был торт. Шоколадный. И он того стоил. В этой главе она бы не поправила ни буквы.

Мелинда росла в строгости, но не какой-нибудь там религиозной, а самой настоящей, телесной строгости. Ее мать настрадалась в детстве, поэтому своих взрастила в лучших условиях – на природе. Они ели только фермерское, гуляли по четыре часа в день, обязательные физические упражнения – несколько раз в неделю. Прием пищи и сон строго по расписанию. И ничто не могло этому помешать. «Где же они

жили, в лесу, что ли?» – спросишь ты. Так и было. Они жили в лесу.

Но как же в лес пробрался шоколадный торт?

Мать не была глупа. Она понимала, что здоровому телу все же придется на какой-то период обмакнуться в нездоровую городскую среду. И проводила тренировки. Выезжали в ближайшие городки. Мать подводила детей к витринам кондитерских, выискивала самого неприглядного посетителя и неистово тыкала в него пальцем. «Вот что бывает от сладкого!» – говорила она тихо, словно шипела. И плевалась, и мелкие брызги слюны на стекле марали привлекательную вывеску.

На обратном пути ее верхняя губа тряслась на ухабах под подозрительным слоем белой пудры.

Они повстречались в общежитии. В лесу институтов не было, и Мелинда поступила. Мама справедливо считала, что главное она заложила, а дальше пусть сами.

Он стоял посреди кухни: одинокий, доступный, привлекательный, чужой. Мелинде стало любопытно. Она села, сложив руки по-ученически, и посмотрела ему в глаза, в розочки кремовые. Запах. Наклонилась ближе. И никакого отвращения, никаких пальцев матери, несмотря на годы тренировки. Отлично понимая, как бескультурно поступает, Мелинда ткнула пальцем в торт, потом в рот, потом в торт, потом в рот, пока торта не стало.

Торт запустил серию других грехов. Во-первых, она взяла

чужое. Во-вторых, она соврала, что не видела никакого торта и вообще не знает, как выглядит «эдакая гадость».

Отношения с соседками были подпорчены, но ее это мало волновало. Мелинда повторила страдания матери, несмотря на здоровый зачин. Восторг от шоколадного торта хотелось продлевать бесконечно. И она продлевала. Блевала и продлевала – желудок-то не резиновый.

К середине жизни она так и не пришла к истине золотой середины, приняв ее лишь умом, но не телом, не сердцем. Потому и пледом наказали, и с террасы не выпускали, и ставни закрывали, и окна занавешивали, чтобы не видеть. Но поделаться нельзя ничего. Старуха была там, на воздухе, вовне, и никуда не девалась. Она улыбалась скалам.

Был ведь и другой грех. Федерико. Он тоже стоял посреди комнаты – одинокий, доступный, привлекательный, чужой. И точно так же она его попробовала, пока не съела целиком. Вот до самой последней бисквитной крошечки.

И глаза у него были как розочки кремовые. То есть масляные. Сладострастник. А Мелинда, черствая и поджарая, как корочка хлеба, Мелинда, запросто села напротив за стол, сложила руки по-ученически и объявила:

– Вы мне нравитесь.

И никакого отвращения. Секс. Не прямо на вечеринке, конечно.

Опять она взяла чужое. Федерико, хоть бы и сладострастник, а ходил уже в женихах.

Мелинда все время врала и упрямничала, что нисколько его не любит. Да, понравился, но вообще-то нравятся ей многие. Этим она его до иступления доводила. И сексом. «Эдакая гадость».

Отношения с соседками тогда и вовсе испортились. Ведь они были подруги невесты Федерикиной. Но Мелинду это мало волновало. Он открыл ей новое блаженство, и ей хотелось продлевать его вечно.

К середине жизни она мужчину замочалила, замучила, заездила до полного исчезновения. Сладострастник проклятый. Не выдержал, умер на полпути, весь кончился.

Бежать-то он пытался не раз. Но возвращался, признавался в грязных изменах и тряпкой в ногах валялся, пузырьчатыми соплями растекался, в окошки высывался.

Она поджимала рот, отводила глаза, а внутри гоготала. Потому что опять победила. Потому что кайф вернулся. А что грязное без нее было – из сердца выметала. Покаялся – значит, не было.

Он убегал от холода ее, от взгляда сурового, от понимания, что плюнет – он не только высунется, но и прыгнет вниз.

И знала, что мучит, что тут сплошное физическое, да и плюнет, пожалуй, когда-нибудь. А он раз – и кончился. Неожиданно. А винили зачем-то ее.

Да те грехи-грешочки волновали живущих в белом доме с террасой для полноты чувства, в довесок. Конкретно ненавидели ее за третий грех.

О, это был самый страшный, самый настоящий грех, противозаконный в буквальном смысле. Героин.

Она так и помнит, как он сказал: «Надо в этой жизни все попробовать». Тот, второй, после Федерико.

Старуха на плече перевернулась на живот, подперла подбородок руками. Расхохоталась. Девочкой думала, что эдакая гадость никогда ее не соблазнит. Она боится уколов! Чтобы так унижить свое тело: ни одно удовольствие того не стоит.

Было красиво. Красный бархатный диван, она – зрелая, но привлекательная, белая нога с гладкой кожей из разреза платья. А на фоне – окна во всю стену, на фоне – огни, на фоне – джаз.

Он полз по ней, как змея, сильными руками, от которых она была без ума. Загорелые, со взбухшими венами, на ее белой ноге. Она и не помнила, как он уколол, как затягивал жгут на тонкой лодыжке. А кайф – кайф она помнила хорошо. Ни торт, ни Федерико и рядом не стояли. И рука загорелая померкла.

Старуха обернулась: рассыпался белый дом с верандой, и внуки на лошадках, и дети за закрытыми окнами. Летит нога в красных шортиках и гольфике, летит яблочный пирог, летит кресло с пятном от томатного сока, летит деревяшка, на которой отмечали рост. Все в дыму, крошке. Будто на грибождевик¹⁰ наступили. Сама наступила.

¹⁰ Дождевик, или «дедушкин табак» – род грибов семейства шампиньоновые.

Ничего не будет.

На шее затянули веревку и потащили вниз со скалы, били о камни, не дали мечтать, выбивали нелепые фантазии, как пыль из ковра. Героин – не Мелинда, измен не терпел. В самом низу швырнули в море, шамкающий рот заглотил соленую воду, легкие загорелись.

Но и это все неправда. До старости Мелинда не доживет. Она умрет сегодня ночью. От кайфа и за грехи. За закрытыми ставнями ей не простят, что она не позволила им быть.

Со знанием сознания

Семен грабил. Он срывал сумки, разбивал стекла, швырял людей, любил унижать. Страсти или искусства карманника в нем не обнаружилось: не хватало ни таланта, ни известного обаяния. Но, самое главное, Семену был важен процесс, а не результат. Не остаться незамеченным! Жертва должна понимать происходящее, делать пуганые глаза, демонстрировать незащитность и панику. Он, словно хулиган в детском саду, был рад толкаться и пихаться.

Семен раскусил кайф грабежа в старших классах и решил, что высшее образование ему незачем. По меркам быдла из спального района зарабатывал он шикарно. Понимал, кому сбыть награбленное, и другие знания его не прельщали.

Однако была некая странность, противоречие в его простецкой нахальной натуре. Перед тем как совершить преступление, хотелось своеобразно настроиться. Разглядеть в жертве зло, омерзить и осудить ее так, что и грабеж вроде как благословлен свыше, ведь будущий пострадавший – сам порядочная тварь. Оправдываться стыдно, и он никому о необходимости уничижительных фантазий не рассказывал. Упивался ими в одиночку. Как инструмент не заиграет без настройки, так и Семен не ограбит без мысленного проигрыша из грубых фраз. Чаще всего обвинялись женщины, и обвинялись в праздности.

– Безмозглая идиотка. Богатая дочурка. Все на халяву досталось. Ни дня не работала. Постелью взяла...

Так он обычно себя заводил, прибавляя по вкусу обильную матерщину.

В тот день он не собирался «работать». Выходной, солнце печет сюрпризом, Семен в духе, Семен на пути в палатку за пивом. На глаза ему попалась Элечка. Дорогое пальто, шикарная машина... Привычное чувство взвилось, воображение радостно спустило с цепи.

Элечка была, можно сказать, нищая, если сравнить с Семеном. Она существовала с матерью-алкоголицей в комнатке за МКАДом. Вопрос денег был вопросом не лишних колготок, а скорее еды, поэтому со школы она работала. Элечка выживала трудом и чудом, но в институт поступила. Тянуться вверх помогало благополучное раннее детство. Лет до трех о ней заботились, хорошо кормили, даже закаляли и книжки читали. Потом папа умер, а мама спивалась – но не вдруг, а потихонечку, потому и до школы какое-никакое воспитание и крохи ласки Эле перепали. Фундамент заложили хороший, мораль не искривлена, и Эля стремилась не к чекушке и посиделкам в подъезде, а к теплу человеческому и знаниям букварным. Аккуратно берегла надежду на лучшее будущее, ведь без нее проще лечь и сдохнуть.

И Элечке солнце светило сюрпризом в тот день. По выходным она мыла чужие вещи: полы, посуду, белье, ванны.

В тот день дверь ей открыла женщина с надутым от слез

лицом. Элочка привыкла в таких случаях надевать шапку-невидимку. Ей нравилось чудо устранения, будто кто-то иной оттирает грязь. При ней не смущались ссориться, драться, хамить, переедать. Но был в той незнакомой женщине страшный надрыв – Элочка быстро и безошибочно его узнала – и не осмелилась ничего надевать. Хозяйка не фыркнула, отозвалась, только завывала и стала мелко трястись в худеньких руках Эли. Женщина приняла сочувствие с благодарностью отчаянно искренней, поэтому Элочка стала действовать: нашла чай, заварила, капнула туда коньяку, набрала Лиде ванну, выслушала. Ни смертей, ни болезней.

Муж бросил.

Эля пустым не сочла. Ее тоже бросали.

Болтать было интересно. Лида переключилась: советовала и даже поучала. «Я смогла, и ты сможешь», – выдувала Лида вместе с сигаретным дымом и болтала голыми ногами, свисающими с подоконника. Мужа обсуждали только первый час в ванной под чай с коньяком, а теперь грелись у окна в комнате и строили план, как Эле выбиться в люди.

– Вот о чем ты мечтаешь? Я бедной студенткой мечтала о дорогой красной помаде. Чтобы достать из фирменной косметички, и все подружки от зависти сразу сдохли. – Лида заржала. – Нет, ну глупо, но вот дорогая красная помада была для меня воплощением успеха. Я под эту мечту и профессию выбрала. Сейчас!

Лида убежала в комнату и притащила стопку модных жур-

налов. Шлепнула на подоконник.

– Эту я красила, и тут. – Лида с гордостью тыкала красным ногтем в подписи мелким шрифтом.

– А я машину хочу! Пацаны научили на ручке водить, я часто их пьяных развозила. Обожаю дорогу.

– Ой, ну это легко же совсем. Держи! – Лида вытащила брелок из сумки.

– Не, я не могу. – Эля не верила. – А права, доверенность?

– Да брось, ты так, недолго по району и возвращайся. Я пока насчет мужа подумаю. И пальто накинь мое, гулять так гулять!

И Элечка выпорхнула из добротного дома в дорогом пальто к шикарной машине.

«Проклятая сука. Тупая мажорка. У тебя машин еще целый гараж. Ненавижу!» – Семен не сдержался. Элечка не покаталась.

Через несколько лет у нее будет хорошая работа – и не надо мыть чужого. Но это после больницы, недолгого рабства у Лиды и года работы без выходных. Даже машина в кредит во дворе. Серым, мясистым неудачами днем Элечка поедет в магазин. Когда машину только купила, каждый раз за рулем визжала, в окошко хотелось нагло бросать: «У меня есть машина!» Обкатку за неделю прошла: знакомых и не очень развозила по краям столицы. Поскорее хотелось сильно нажать на педаль. Но с тех пор год ушел, и потому настроение на нуле могло быть и за рулем.

Припарковалась далековато и с ненавистью смотрела на джип, раскорячившийся у входа в супермаркет, где стоять было нельзя. Без водителя. Элочка думала: «Какая я хорошая и скромная, и какие наглые бывают люди, и как они раздражают, и где же та интеллигентная среда, в которой хотелось бы крутиться, и где те искренние и отзывчивые, и когда же кто-то подумает обо мне». Она представила бугая, несущего жирные пакеты для жирного коротышки. Мысли в ней бродили, гадя, минут пять, пока из супермаркета действительно не вышел жирный бугай, но жирные пакеты он не нес, а вез вместе со старой инвалидкой в кресле-каталке. Пересадил ее на заднее сиденье, заботливо пристегнул, а коляску и покупки аккуратно утрамбовал в багажник.

Отвез сестру хозяина домой, оставил джип на стоянке и спустился в метро. Людей мало, напротив сидела девушка. Одета нарядно. Платье, каблуки, волосы хитро уложены. Красавица. Однако лицо скорбное. И Василий потихонечку завел ворчание: «Все девушки сейчас недовольные, угрюмые, будто кислых щей наелись, особенно молодые, а ведь они в жизни не знали настоящего горя. Васильевна не ходила с десяти лет, но всегда на лице ее улыбка, находит каждому доброе слово. А ты юная, симпатичная, позволяешь себе уныние, что один из смертных грехов...»

Когда выходил из вагона, зло прошептал: «Тьфу на тебя». Но девушка не заметила, наушники наполняли голову печальной песней и почему-то изображением расстроенного

грязного мальчика с воздушным шаром. Она пыталась заплакать. Смеяться, удивляться, гневаться получалось хорошо, но слеза никак не хотела катиться по собственному велению и хотению! Она ехала на экзамен по актерскому мастерству. Плакать там не пришлось, потому все получилось неплохо, и девушка отправилась к подруге, улыбаясь прохожим. Подруги они были относительные, потому что недавно познакомились, но Настя жила неподалеку от института и была дома, а актрисе хотелось в гости.

Настя снимала уютную квартирку в центре и сильно раздражала. Хотя и угощала пирожными вкусными, но рассуждала о дурости. Приходилось слушать, как к Насте пристаёт начальник, просит приехать к нему домой во внеурочное время. И как же ей поступить, ведь она ничего такого не хочет, но, видимо, ехать придется...

«Безмозглая. Какими путями такие мысли приходят? Спать или не спать – вот уж действительно в чем вопрос. А у меня надежды, карьера, будущее!» Она с чувством превосходства ела Настины пирожные, кивала и лелеяла презрение. А Настя любила делиться внутренним, не деля на пристойное и неуместное. Она не хотела мерзостей, но другим легко быть честными. Другим одинокие мамы не жужжат: «Не будь дурой, езжай, или я перестану тебе снимать квартиру, устраивайся ты в жизни, наконец! Висишь на мне грузом, я все для тебя делаю, думаешь, просто так ты такая красавица уродилась, я уже тебе и грудь, и нос...»

После приятельницы Настя вышла прогуляться. Вечерело, от разговоров и мыслей хотелось проветриться. Она зашла в кафе к друзьям, молодой женатой паре. Марина весело щебетала, муж хамил. В конце встречи жена оплатила счет, сама пригнала ко входу машину, принесла из гардероба одежду. Настю бесило угодническое поведение подруги, но еще больше бесил муж, который не только не был рад заботе, он был груб и придирался.

Пока они выходили из кафе, он как будто в оправдание Марины прошептал на ушко Насте:

– Ты тоже из тех, кто был в курсе ее измены?

Он никогда не простит жену, как она вину ни приглаживала, чтобы не сильно торчала. Муж сосредоточился на боли. Буквально. Вечером он покупал продукты в супермаркете и специально задел тележкой нагнувшуюся за йогуртом женщину. Побольнее.

А она схватилась за бок, потерла, чтобы, не дай бог, не синяк, и весело подумала: «Это знак. Не стоит мне тортик брать». Напевая песенку, пошла к кассе. «Бедный неуклюжий мужик! Ему, наверное, так стыдно было, что убежал, не извинившись. Наверняка тележка плохо управляется. Сама страдаю, когда много продуктов беру...»

– Привет, Семеновна!

– Ой, лапушок, здравствуй! Я вот, видишь, набрала кучу всего, но от тортика воздержалась, – и заржала. Показались стертые коричневые полоски зубов, мелко затряслось жир-

ное тело.

– А пацан твой как?

– Семушка? Да отлично, он же у меня самый лучший и умный, вы знаете, с каждым месяцем зарабатывает все больше и больше, а ведь недавно, пацан, школу закончил! Я его, конечно, всегда хвалю и благодарю, на пенсию колбаской себя не особенно побалуешь... – и Семеновна улыбнулась, слава богу, не до смеха, но сверкнула глазами на три свертка в тележке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.